

Любовь КОЛЕСНИК

Бабушка просила: «Поедешь в лес, привези калины.
После морозов этой ягоды нет слаще.
Помню, мы в детстве лакомились ею».

Я ехала в лес в громадном жёлтом «Икарусе».
Я шла в лес мимо цыганского поселка,
мимо пёстрых индюков, улюлюкающих, как индейцы.
Я рвала калину, набивала ею карманы.
Ягоды лопались, кровь их была густа.

Руки мои были в крови калины,
рот полон хинной горечи,
сквозь которую едва пробивалась слабая кислинка.
«Это потому, что ещё нет морозов», – говорила бабушка.

Когда её хоронили, морозов не было.
Калина стояла, покрытая белыми цветами.

С тех пор я рвала калину каждую зиму,
в каждом лесу, в который могла поехать:
на скрипучем ПАЗике, воняющем дизелем,
бодрой «десятке» с кубиками на лобовухе,
красивой электричке с голосом районной методистки,
внедорожнике с заваленным мусором пассажирским сиденьем.

Калина всегда была горькая,
даже если стояли морозы под тридцать.
Ягоды замерзали, как пластиковые бусины,
я раскусывала их, зубы немели и ныли.
Я не понимала, что у меня во рту –
кровь из прокушенной десны или ягодный сок.

Сладости не было.

Сегодня я снова сорвала коричневую ветку
с целым зонтиком нетронутых птицами ягод
и поняла: они просто не умеют быть сладкими.

Любовь Колесник родилась в 1977 году в Москве. Окончила биофак Тверского госуниверситета. Публиковалась в журналах «Звезда», «Арион», «Дружба народов», «Новый мир», «Урал» и др. Автор пяти книг стихов, среди них «Мир Труд Май» (М., 2018). Живет во Ржеве.

Так хочет память маленькой девочки, говорящая ртом старухи,
память о нищем беззаботном детстве,
которое не знает о себе
ни что оно беззаботное, ни что нищее.
Есть только чудо мороза, узоры его на стёклах,
и заиндевелый куст, усыпанный красными ягодами.

И нет белее этого снега.
Нет сильнее этого холода.
Нет слаще этой калины.

Принеси мне алую ветку с мороза.
Я буду ждать, когда калина станет сладкой.

Как живу? За деревней – легко, как бирюк,
утром выкрасил в желтое ставень.
Здесь на сотню гектаров болото вокруг
и суглинок смерзается в камень.

На травинке батрачит овальная тля,
ей ни сдохнуть, ни остановиться.
На коряге тетерка, и Карна, и Жля –
три осколка в коре, три сестрицы.

Угадай, где тут кто, под каким из холмов,
землянику хватаешь, дуряя.
Из распластанных бревен трухлявых домов
вырастают тугие деревья.

А когда соловьиный начнется фитьфить
посреди черноземного рая,
так душа развернется, что грех не завывать:
слушай, родина, слушай, родная.

Жуком в плену нестрашном спичечном
живу как будто понарошку.
Качает ямбом электрическим
и амфибрахией метрошным.

В толкучке медь с крыла сдирается.
Зудит игрушечное жалко.

Слова встречаются, теряются –
себя не жалко, их не жалко.

Я белый шум в зеленой рации,
звук тягомотный пленки мятой.
Кенжеев в третьей итерации
и Ходасевич в минус пятой.

слава проходит транзитом
поезд москва воркута
буду твоим паразитом
здравствуй стальная пята
буду твоим короедом
дуб в орденах и цепях
я никуда не уеду
я повсеместно в гостях
мамка на стол накрывает
жри жестяной огурец
муза медуза кривая
коми-пермяцкий волчец
дробное медное мыто
в небо уходит трубя
мне повсеместно закрыто
я ухожу из себя

Взрослый человек беспомощен
и тревожен.
У него в огороде овощи,
в руке ножик.

Этим ножом ясноглазые пионеры
человека учили открывать консервы, стричь ногти, вонзать во врага,
делать ватно-марлевые повязки от чумы и холеры,
ставить на кон во время игры в дурака.

А теперь человек вырос и сам дурак.
Он смотрит, как медленно всходит бурак –
машет красными галстуками ботвы
на манер плавников плотвы.

Человек машет, бурак просто растёт,
чтобы стать пищей.

Только нож не ржавеет, он так живёт,
до поры до времени заткнутый за голенище.

В 2121 году от партии власти в Тверской области
на выборы губернатора выдвинулся борщевик Сосновского.
С объемной программой: развиваться и расти,
производить зеленую массу практически из воздуха.

Защищать и предотвращать проникновение
на вверенную территорию.
Бороться за свет, модернизировать освещение,
поощрять у молодежи интерес к ботанике и истории:

побеги в форме вилочкового креста –
символ духовности возрастающей, изначальной.
Злые языки шептали: сердцевина его пуста.
Обожглись, замолчали.

Кандидат продемонстрировал факты безупречной биографии:
культивировался, чтобы после войны сельское хозяйство восстановилось.
А какие показатели обещал по демографии –
никому и не снилось.

В том году был сумбур: на выборы шел крокодил
от «зеленых», спрут и пара немолодых сов.
Борщевик Сосновского утвердили
большинством голосов.

Здравствуй, завтра, простое как раз-два-
три – печатает, тянет носок.
Под брусчаткой прикопана правда.
Сединой прорастает висок –
это белые тени берёзок
рассекают просторы полей.
Здравствуй, посвист просоленных розог
в крепких хватах учителей.

Здравствуй, здравствуй, не наша, не ваша,
в куполах и борщевике.
Возвращаюсь с победного марша,
только память гремит в вещмешке.

Через вырубки, через погосты,
сквозь кресты и багровые звёзды,
из себя, над собой, через страх.
«До свиданья» хрустит на зубах.

Тоска такая, что впору
на встречу выпускников.
Там Яблоков и Егоров,
в последний раз я их видела в пору
ваучеров и ларьков.

Яблоков был в кожаном
плаще ниже колен,
с поставленной лаком «площадкой»
и курил сигареты LM.

В чём был Егоров, не помню,
может быть, тоже в плаще,
а может быть, он не Егоров,
и я всё забыла вообще –

кто у кого списывал,
кому кто списать давал,
кто в кого бумажкой из трубочки
слюнявой обидно плевал,

песни Софии Ротару
в кинотеатре «Октябрь»,
куда ребята на дискотеки
бегали весь октябрь.

А помню чётко и ясно
парк у кинотеатра – и яшень,
грозой расколотый вдоль.

Ему было очень больно –
я чувствую эту боль.

Второго июня я вышел на яростный луг:
с горячего неба названивал птицами юг,

оптический город в уме сотворялся из леса
и в будущем зрела дождя вечевая завеса.

Я вышел, я слышал, я в землю собой прорастал.
На лиственных крышах гремел нетяжелый металл

прекраснее золота, действенной трубчатой меди.
От корня живого мое поднималось бессмертье.

Я так и стою, не объятый ни сном, ни печалью
и птицу на ветке ладони держу и качаю.

Закрываю глаза, а за веками пляшет лес,
плачет лес,
лес стоит,
лес горит,
лес живой.

Друг у меня спрашивает:
куда ты исчез?
А я стал травой.

За деревьями смерти нет –
только зима,
о которой не помнишь весной.

Летом всё до краёв
заливает свет,
и живёт во мне,
и растёт со мной.

Не принимала Пола Атридеса средняя полоса.
Человек человеку червь.
Синь сосёт глаза –
больно и боязно Муад'Дибу.
Мать с собой завернула спайса – и то спасибо.

А все равно неудобно: ни песка, ни пещер, ни дыма.
Что-то зыбко-зеленое под ногами, вокруг – дендриты.
Местные называют это «весна, озимые».

Одна из Бене Гессерит говорит ему:
«Своей мощью тянущий корабли
за границу времени и пространства,
никогда на себя не бери
ни чужих долгов, ни живых врагов,
ни дотаций в области сельского хозяйства,
ни капитальной застройки пахотных территорий.
Сгинешь!»

Вскоре
его нашли
недалеко от Плотникова, у моста,
где через Каменку перекинута слег.
Он лежал в воде,
и звенела вокруг красота,
бабочки опускались на синие веки.

Завклубом плакала, словно по своему,
говорила: красивый, как молодой Есенин,
будто Есенин бывает старый.
Собрали смертное и отпустили в тьму.
Так вот мужик и мрёт, от кредита, бухла и шмары.

Всем его было жалко, и даже лук и яйцо
в поминальной еде горчили.
На выгоне ржали кони.
В красном углу чёрное хмурил лицо.
Владимир Владимирович Харконнен.

Муза печальная с рогом единственным
водит табун речевой.
Что, говорит, всё нормально, таинственна?
Да, говорю, ничего.

Нет, ничего у меня не слагается,
пусто внутри у тряпья.
Дичка табунная не запрягается,
речь ворона моя.

Всё, ускакала в кромешное зарево
бойким копытом стучать.
Муза, какое печальное палево –
всё понимать и молчать.

Пляшет огонь цвета нового чирика,
избы встают из огня.
Лирика-лирика, я в твоём мире как
баба, что ловит коня.

Сразу за МКАДом, за Новорижским аутлетом,
после «Мейджор Авто» и «Твоего дома»,
земной диск обрывается. В провале гудит нигредо
и шевелятся букли густого дыма.

В глубине тьмы странствуют моноподы,
стократ умноженный эхом доносится лай.
Это псоглавцы проводят бетонные работы,
копку колодцев и забивку свай.

А еще ниже, куда не смеет солнце
вглядываться; по колено в воде тоски
краснолицые неулыбчивые мирмидонцы
собирают малину в лубяные лотки.

Наверху каждая мать говорит сыну,
глядя на дым и ощущая дно:
Кушай малину, кушай скорей малину,
сделай погромче радио и не смотри в окно.